

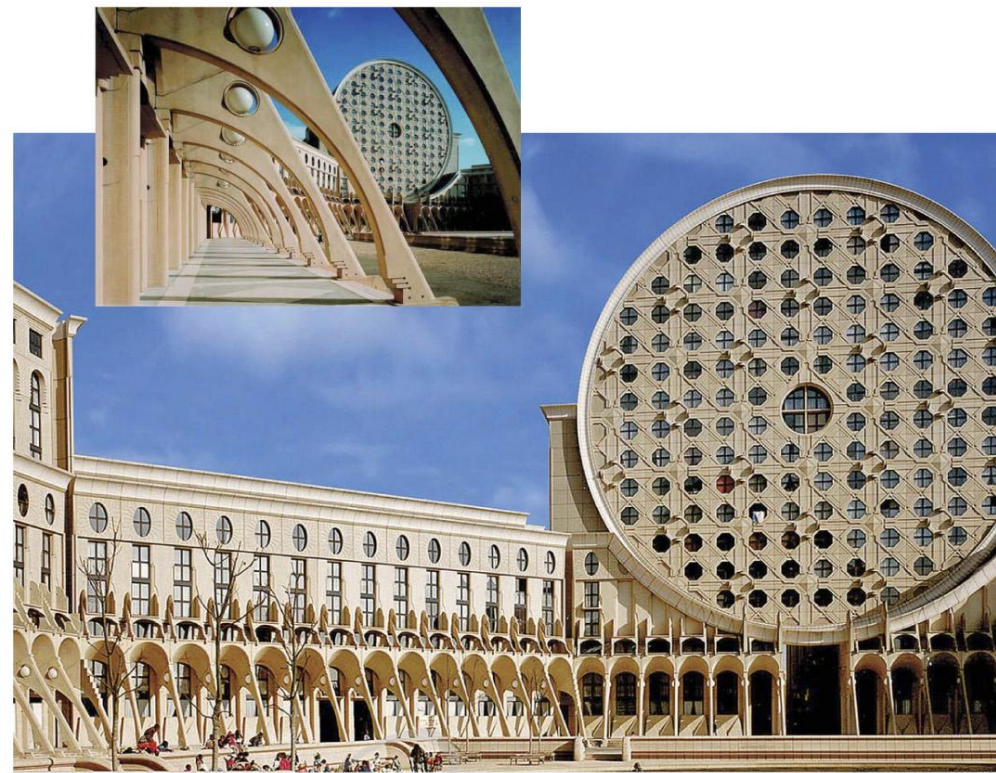
Мануэль Нуньес-Яновский

ТЕАТР ОДНОГО АРХИТЕКТОРА

Эмоциональный, харизматичный, остроумный, живой, с принципиальной политической и гражданской позицией, утонченный, глубокий, ранимый. Образ легендарного испанского архитектора Мануэля Нуньес-Яновского такой же многослойный, как и его здания, построенные по всему миру – от Франции, Испании и Бельгии до Казахстана, Алжира и Конго.

Интервью: Кристина Франчук, фото предоставлены организаторами фестиваля архитектуры DAS FEST

Родился Мануэль Нуньес-Яновский в Самарканде в 1942 году. Его отец был испанцем, мама — русской. Затем судьба забросила семью в Одессу, где Маноло жил вместе с мамой до 1957 года, пока не освободили отца (тот воевал против Франко, затем служил в Красной армии, а после войны был арестован и провел 7 лет в лагерях в Воркуте). Семья иммигрировала в Испанию, но там, в «фашистском государстве», жизнь Маноло не очень-то складывалась. Он мечтал вернуться в Одессу и создать свой театр вместе с другом детства Володей Паховым (1942–2007, народный артист, советский и российский режиссер, возглавлял Липецкий драматический театр). В 18 лет Маноло ушел из дома, пешком перешел через Пиренеи и автостопом добрался до Парижа. В советском консульстве в Париже Маноло отказали во въезде в СССР. Ему пришлось возвращаться домой. Отец хотел, чтобы Маноло стал инженером, но упрямый сын поступил в театральную школу на режиссерское отделение. Затем был факультет истории и археологии в Центральном университете Барселоны. Там же, в Барселоне, состоялась его судьбоносная встреча со знаменитым архитектором Рикардо Бофилем, с которым в 1962 году они основали архитектурную мастерскую Taller de Arquitectura. Проработав бок о бок 17 лет, в конце 70-х они расстались, и Маноло уехал сначала в Бельгию, а затем в Париж, создав уже собственную архитектурную студию. Первый же самостоятельный проект — застройка площади Пабло Пикассо в парижском пригороде Нуази-ле-Гран — принес архитектору известность и признание. В 1991 году вместе с архитектором Мириан Тейтельбаум было основано SADE, Общество архитекторов и девелоперов, с офисами в Париже и Барселоне.

Его строения — больше чем архитектура: это и скульптура, и поэзия, и театр, и история, вместе взятые. Он легко смешивает цитаты из далеких культур с европейским и американским наследием XX века, выстраивая новые, до сих пор невиданные сооружения. Сегодня ему 70. Он лауреат многочисленных архитектурных конкурсов и международных премий, обладатель множества почетных званий, член Испанской Королевской академии изящных искусств Св. Георгия, кавалер ордена святого Лазаря Иерусалимского, автор около 1000 проектов и десятков знаковых строений (вроде Института ESADE, инновационного комплекса Teatre Lliure в Барселоне, College Georges Brassens и здания полицейского управления в Париже). Кроме того, ему принадлежат несколько патентов в области сборного железобетонного строительства. Он точно знает,

что делает, чего хочет, за что борется и куда идет. Он берет на себя полную ответственность за каждый созданный им проект перед будущими поколениями. Он твердо убежден, что его архитектура никогда не состарится, поскольку она — не модная. Сегодня Мануэль Нуньес-Яновский в Украине частый гость. И не в последнюю очередь — благодаря друзьям, организаторам международного фестиваля архитектуры DAS FEST в Киеве. В рамках DAS FEST-2012 архитектор прочитал лекцию о трансформации современных городов и представил свой последний нашумевший проект — русский православный духовно-культурный центр в Париже, вокруг которого уже несколько лет ведутся жесточайшие споры. После лекции мы поговорили с ним о доме, странностях бывшего соседа, египетской культуре, национальном вопросе и о будущем.

У вас сложная биография. Вы родились в Самарканде, живете в Париже, прекрасно говорите по-русски, и все-таки вы — испанец...

Безусловно, я испанец. Я родился в колонии испанских республиканцев. И меня воспитали как испанца, хотя в детстве мама и заставляла читать «Дон Кихота» на русском. Впрочем, генетически мы все — гораздо богаче: каждый из нас унаследовал что-то и от евреев, и от татар, и от украинцев. По своей биологии, физиологии человек — существо очень богатое и сильное. Мне кажется, именно этот генетический замес, эта сила не раз помогала мне выжить (я был и при смерти, и в коме). Думаю, нас унижают, давая определенную национальность. На нас навешивают ярлыки, ценники. Ты — сразу ветчина. И выше себя уже не прыгнешь. Национальность — это карикатурное упрощение,

которое было сознательно введено, чтобы упростить процесс влияния в мире, чтобы загнать людей в четкие конкретные рамки. Нас намеренно разрушают, ставят в определенную плоскость... а перспективы в плоскости нет...

В ваших работах вы охотно оперируете кросс-культурными понятиями и часто напрямую обращаетесь к египетскому наследию. В качестве примера приведу комплекс муниципального жилья — знаменитую площадь Пикассо в пригороде Парижа, где, по вашим же словам, два круглых объема жилых зданий были созданы по аналогии с египетским иероглифом и символизируют восходящее и заходящее солнце. Или другой парижский проект (тоже, кстати, общественное жилье) — «Резиденция Клода

Леви-Стросса», где входные группы обозначены ликами фараона Эхнатона. Безусловно, у этих проектов есть своя концепция, и это не просто цитаты. И все же, Египет для вас — тоже часть некоего генетического кода?

Моя фамилия Нуньес. Вполне возможно, что этимологически она уходит корнями именно в эту далекую и замечательную цивилизацию. Нун в египетской мифологии — это первозданный Хаос, из которого вышло все сущее. То есть «нун — ес» означает «хаос есть». Кроме того, я считаю, что именно Египет и его замечательная культура были началом всех зодческих начал, где было место каждому живому существу — не только фараонам и простым смертным, но и кошкам, и жукам-скарабеем. Римляне архитектура как таковая уже не интересовала, поскольку они

строили не города, а империи — с дорогами, мостами, акведуками...

Понятие «город» для вас в принципе очень важно. На своей лекции вы призвали архитекторов вернуться к городу, и в то же время говорили, что сегодня это уже очень сложно сделать, поскольку мы утратили и само это понятие. Так что же такое город? Как вы его определяете?

Суть города — это человеческая душа. Если нет человеческой души, нет города. И сегодня идет страшная война по разрушению человеческого духа. Голливуд в нас вливает свою туфту, свою версию мира. Что нам показывают? Бой индивидуума против всего общества. Один человек (или скорее — сверхчеловек) вдруг оказывается способным спасти всю страну, все общество. Ерунда! Нужно срочно политизироваться и срочно

мобилизоваться вокруг традиционных и новых идеологий. Без политики и без людей, которые участвуют в политических процессах, не может быть полиса, не может быть города, не может быть государства. Посмотрите на Киев. Вы же его разрушаете. Вы сегодня обсуждаете частность — одну маленькую улицу (*дискуссия вокруг Андреевского спуска — прим. автора*), но у вас нет плана развития города в целом. То, что вы настроили за последние 20 лет, мало того что разрушило замечательную киевскую архитектуру, так еще и ничего не привнесло в нее. И пока у Киева нет проекта, нет проекта у Киевской области, нет проекта у Украины в целом, у вас нет и не будет архитектуры.

Какова в этом всем роль архитектора?

Я всегда говорил, что тысяча архитекторов на улице — это больше, чем миллион рабочих и крестьян с хоруговьями и флагами. Есть понятие пирамиды, а у пирамиды

есть пирамидон. Пирамидон — это вершина власти. Прокладка между пирамидоном и нижней частью пирамиды — это мы. Средний класс — архитекторы, адвокаты, врачи, журналисты и так далее. Это и есть мы. И мы не имеем права жаловаться: мы находимся наверху и мы пользуемся всем тем, что находится снизу. Нам нужно не жаловаться, а выходить на улицы. Мы — это сила, мы — легион.

Архитектор — существо двуличное, это параноик, который должен служить и сыноору (государству), и людям. Он живет на границе между верхним и нижним. И если он правильно опускается и поднимается, то получается московское метро (уникальное московское метро, и, кстати, киевское тоже) — здесь чисто, красиво, это потрясающий пример архитектуры. И у тех, кто этим метро пользуется, вдруг срывается рефлекс: это — наше, это — для нас. У человека автома-

тически вырабатывается ответственность перед обществом — он даже бумажку здесь не бросит. Вы никогда такого не увидите в парижском или любом другом европейском метро.

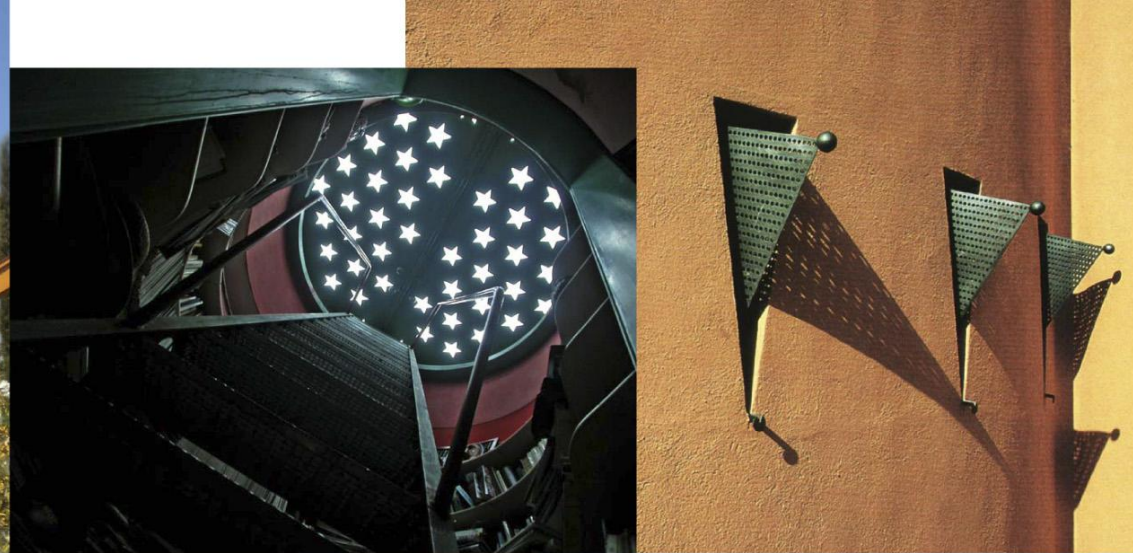
Когда я строил свой первый объект в Париже — площадь Пикассо (1979–1982 гг.), строители — а это самый грязный народ в мире — вдруг увидели совершенно непонятные вещи. Вот привозят с завода уникальные элементы, они имеют необыкновенный цвет — слоновой кости, и эти элементы — необычайного качества. Все это начинает собираться, монтироваться — а они не верят: не может быть, чтобы эта красота была общественным жильем. Вдруг они начинают понимать, что это — для них, или, если не для них, то для таких же, как они. За этот проект мы впоследствии получили премию как за самый чистый объект всего парижского региона (даже не города, а региона!). Люди там

почему-то не мусорят и не расписывают все граффити. Именно так происходит серьезная революция. Она происходит в головах. И у руля этой революции стоит архитектор.

Ваши здания не просто этичны — они поэтичны и насыщены образами. Это нечто среднее между театром и сном. В свое время вы ушли из театра (хотя были даже занесены в энциклопедию Каталонского театра, как самый молодой и талантливый деятель Испании), но, похоже, театр не ушел из вас.

С театром я покончил в тот момент, когда стал писателем. Я начал писать пьесы и ставить их. В Испании поставить пьесу означало нанять актеров, заказать декорации, провести десятки репетиций. Чтобы все это оплатить, я брал сумасшедшие кредиты в банке. А затем на генеральную репетицию приходила специ-

альная комиссия. И когда мои постановки во второй раз не прошли цензуру, я оставил это занятие. Еще какое-то время я вкалывал, чтобы отдать долг банку, и это окончательно меня остудило. Больше театр меня не интересовал. Зато так я пришел к архитектуре. Архитектура — это замечательное общественное искусство, где нет цензуры. И, кстати, именно потому, что нет цензуры, архитекторы начинают нахальничать. То, что Киев потерял свой силуэт, свое лицо, относится к тому же разряду — безответственности архитекторов.

И все же, ваши здания напоминают огромные потрясающие декорации с обильным использованием скульптуры.

Мне просто кажется, что мы забыли, что такое настоящая архитектура и какой она должна быть. Американцы навязали всему миру свою модель архитектуры: уны-

лый небоскреб из стекла и бетона. Рационализм изгнал из архитектуры главное — искусство. Преемники Ле Корбюзье дали нам бетонные коробки, так и не поняв роли общественного заказа.

А какую роль в общественном заказе играет сюрреализм? Или что в ваших проектах делают прямые цитаты Дали — то 18 Венер Милосских (жилой дом Venus 18), то «рабы» Микеланджело на здании полицейского управления в Париже?

С Дали меня связывает отдельная история. Дело в том, что я долгое время был его соседом. Замок Дали и мой дом стоят друг напротив друга, на одной оси, через долину. У Дали, как известно, было несколько obsessий, среди которых и названные уже Венера и «раб». И пока я не осилил одну и другого, не успокоился. Нужно было выказать почтение мастеру. Что я и сделал.

Однажды Дали сказал мне: «Каждый раз, когда ты будешь что-то менять в проекте своего дома, который строишь напротив, согласовывай эти изменения со мной, показывая их мне». И я ответил: «У вас есть только дверь и одно окно, а все остальное — долина. Так будет и у меня — дверь, окно, долина и абсолютно глухой дом. Не беспокойтесь». И я сдержал свое обещание. Я построил свой дом-театр. И когда Дали брал подзорную трубу (а я знаю, что он подглядывал за мной, потому что больше в эту трубу, кроме долины, ему было нечего разглядывать), так вот, единственное, что он видел — это окно с воротами-ставнями, и на них — свою любимую Венеру. Я располовинил статую и прикрепил ее с двух сторон ставень. Когда окно закрывалось — он видел Венеру со спины, ее голую заднюю часть, в то время как ко мне в интерьер она входила анфас.

Ваш личный дом такой же непростой и метафоричный, как и все ваши строения. Что означает для вас «дом»?

Для меня дом — это прежде всего понятие женское. Это утроба. Выстраивая собственную среду, мы строим чрево, где нам будет комфортнее всего. Такой подход генетически в нас заложен миллиардами лет. Дом — это несколько важных условий: темнота, влага, температура. Вернемся снова к Египту — храмы в египетской культуре были закромами, в них хранилось зерно (закрытое в темноте). Затем бог Ра забирал себе скрытые в зерне свойства... Так вот дом для меня — это чрево. А еще — это ренессансный проект Альберти — помните храм, пересеченный мембраной пополам? Это тоже мой дом. И в нем есть свет и тень: свет в амфитеатре и тень на сцене.